

Чёртова метка

Мару Аги

6+

Мару Аги

Чёртова метка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66486552

SelfPub; 2021

Аннотация

Порой суеверные страхи творят гораздо большее зло, чем происки дьявола.

Юная Надежда верит, что чёртова метка предвещает несчастье. Но чтобы узнать свою истинную судьбу, ей придётся оставить всё, что дорого и соприкоснуться с миром – кожа к коже.

Мару Аги

Чёртова метка

Лето пришло жаркое и сухое. Чёртово пекло – так говорят. Днём зной стоит недвижимо, – точно дух в истопленной по-чёрному бане, – не спрятаться от него, не скрыться. И даже ветер, страшась обжечься, облетает село стороной. Лишь к полуночи чуть остывает воздух, чтобы с первыми лучами солнца всё повторилось сызнова...

В богатой купеческой избе душно. Три высоких, узких оконца, украшенных воздушными заморскими тюлями, заперты на щеколды. Тяжёлая дверь, ведущая в сени и обитая войлоком, закрыта плотно, будто на дворе лютая зимняя стужа.

Просторную горницу украшает высокая, фигурная да пёстрая, изразцовая печь на золочёных ножках. Слева от печи – широкая лестница, ведущая наверх, во светёлки. Справа – большой расписной сундук с откинутой крышкой. В углу над сундуком, под самым потолком – иконы в резных рамах.

За круглым дубовым столом под окошком сидит девушка в простом белом сарафане с голубым орнаментом на поясе и широких рукавах. Она так увлечена шитьём, что и не чувствует духоты: тонкие пальцы порхают над топко-синим штофом. До чего же хороша ткань! Иголка ловко ныряет в

плотный, гладкий шёлк и тянет за собой золочёные нити, выписывая драгоценный узор...

Ткань эту и нитки папенька привёз для Нади с ярмарки ещё весной.

– Дорогие, наверное! – воскликнула Надюша, увидав отцовы подарки.

– Никаких денег не пожалею для моей мастерицы, – пробасил отец и осторожно погладил дочь по голове.

А узоры у Нади и вправду выходят чудные.

Вот на лазурной тафте застыли, расправив огромные крылья, дивные птицы с длинными шеями и хохолками-коронами. Каждое пёрышко переливается на свету перламутром, и веришь, что сейчас встрепенутся вышитые птицы и полетят по гладкой ткани, что по небу.

А вот распускаются на изумрудном шелку невиданные цветы. Лепестки их нежные, хрупкие – так и тянется рука прикоснуться. И то ли мерещится, то ли вправду исходит от них нежный, тонкий аромат.

Бывает такой замысловатый узор получится: сразу и не разберёшь, что вышито. Потом приглядишься – ба! – да то ж олени тонконогие по степи скажут! А коли не поленишься, ещё присмотришься, тут-то и увидишь, как девушки-красавицы водят хоровод вокруг костра...

Никто никогда не спрашивал у Нади, откуда берутся эти узоры, а спросили бы – она б не ответила. Того Надя и сама не знает. Да только увидевши ткань и взявши в руку иголку с

ниткой, она уж не остановится, пока не закончит картину. И ни одного лишнего стежка не положит – будто рукой её кто-то водит... Нечистый дух, али кто?

Матушка, увидав новую Надину работу, только крестится и прячет шитьё в сундуки.

Вышивание да батюшкина нежность – вот и все Надины радости. Да ещё, пожалуй, ночные прогулки, на которые она выбирается тайком каждый раз, как восходит полная луна. Молочно бледная или жёлтая, как яичный желток. А, бывает, и красная, точно капелька крови. Далёкая и туманная или близкая и шербата. Луна всегда разная.

Вспомнив большую, круглую луну, Надя вздыхает: скоро, скоро снова призовет её ночное светило. И тут уж никак не усидеть ей в доме, взаперти...

С самого детства у Нади внутри тикают лунные часики. Отмеряют, как прибывает месяц, округляется, превращается в полное лунное яблоко. Покрасуется на небе ночку, а затем убывает себе потихоньку, словно кто острым ножичком срезает по тонкой дольке.

И всегда-то Надины часики знают, когда наступит полнолуние – ни разочка ещё не ошиблись.

В сенях раздаётся шум и голоса. Надя подскакивает с лавки и прислушивается, схватившись за длинную свою русую косу.

Точно, идут! Близко уж!

Наскоро набросив на вышивку тряпицу, Надя подбегает

к раскрытому сундуку, залезает внутрь и тихонько опускает над собою крышку.

***

Круглые плечи купчихи Аглаи Федосеевны укрывает воздушный платок из серой органзы. Ступает она величаво, церемонно несёт своё пышное тело, словно богато украшенный свадебный каравай. Широкая юбка из чёрной парчи без узора еле слышно шуршит.

Кума её, Лизавета, в цветастом домотканом платье и беленькой пелеринке, семенит следом. Шажочки у неё маленькие да быстрые. То и дело она замирает, приглядывается, прислушивается, поводит острым носиком – ну, точно лисица рыщет.

Оглядев горницу, Лизавета семенит к оставленному на столе шитью. Приподняв тряпицу, поджимает тонкие губы и качает головой.

Золотыми нитями на тёмно-синем шёлке вышиты степные травы и цветы, да так искусно – словно красками на холсте выписаны. Того и гляди налетит ветерок, качнёт пушистые верхушки мятлика и принесёт в душную горницу свежий, горький аромат ночной степи.

Лизавета вздрагивает, отводит взгляд от вышивки и сладко улыбается купчихе:

– Где же твоя Надежда-красавица, а, Федосевна?

Купчиха, тяжело вздохнув, грузно садится за стол и под-

пирает толстую щёку рукой.

– Ох, Надежда моя, Надежда, – начинает Аглая Федосеевна, будто только и ждала того вопроса. – Правду говорят, Лизавета: от судьбы не уйдёшь. Кого чёрт пометил, тот несчастным и помрёт.

– Да что ты, кума! – Лизавета плюхается на лавку напротив Аглаи Федосеевны. – Так уж и чёрт!

– Так я ж ейная мать, мне ли не знать? – выпучив глаза, купчиха тычет себя в ляжку: – С рождения у ней вот туточки, на бёдрышке, пятно проклятое!

– Како тако пятно? – Лизавета, не скрывая любопытства, подаётся вперёд, навалившись на стол костлявой грудью.

– Копыто сатанинское, – шепчет купчиха, подобострастно крестится на угол с иконами и громко всхлипывает: – А мы её возьми да окрести ентим именем окаянным! Ведь завещала мне матушка: не нарекай дочь Надеждой – несчастная будет судьбинушка. Не послушалась я мать, и что ж?! Девке осьмнадцатый годок, а никто сватов не шлёт, никто замуж не берёт!

Тут Аглая Федосеевна заходится плачем. Дородные плечи купчихи вздрагивают, и вся она колышется, точно студень.

Лизавета вскакивает с лавки, вынимает из-за пазухи носовой платок и обмахивает им безутешную куму. Затем помогает Федосеевне встать и, причитая, уводит из горницы.

Шаги и голоса затихают.

Надежда вылезает из сундука, опускает крышку, садится

сверху и беззвучно плачет.

***

В амбаре не протолкнуться. Закупоренные бочки с солениями да вареньями стоят рядами. Мешки с тем зерном, какое удалось спасти от чёртовой жары, поверх бочек уложены. Ящики с сыромятными кожами друг на дружку составлены. А посредине амбара стоит здоровенный сундук на тяжёлом висячем замке, доверху наполненный пушниной.

Всё проверено, подсчитано, готово к ярмарке – осталось погрузить на телегу, да в путь с рассветом отправиться. Но не хочется купцу уезжать из родного дома. Непокойно у него на душе, муторно.

В сердцах топает купец ногой, срывает с темени красную бархатную шапку-тафью и бросает об пол.

– Ох и бабы, дурное племя! Трещат без умолку, да всё одни глупости! – басит купец, потрясая кулаком над головой.

Эх, ему бы косу в руки, да в поле поутру – весь гнев, как есть, в работу добрую уйдёт. Да куда уж там – дела! Вот и бранишься почём зря, запершись в амбаре с мешками да с бочками.

– В портки бы их мужицкие обрядить, да в поле – пушай пашут! – шипит купец сквозь зубы. – Вся дурь и выйдет, как есть. Тьхфу, окаянная! Сама ереси придумала, сама слухи распустила, сама ревмя ревёт! А дочка единственная, дитятко ненаглядное, страдает...

Купец пинает шапку и, развернувшись, уходит, громко топая сапогами.

***

Наде не спится. Лучина давно прогорела, но в окошко светёлки льётся желтоватый шёлковый свет. Встав на колени перед окном, Надя глядит на круглую, как яблоко, луну. Она знает: не пора ещё, рано.

Откуда знает?

И что за неведомые силы тянут её каждое полнолуние из дому? Чует Надино сердце – те самые это силы, что и рукой её водят, помогая вышивать картины невиданные.

Поди, правду матушка сказала...

«Раз я несчастная, раз я чёртом меченая, что ж отца с матерью позорить? Сбегу!» – думает Надя, глядя на бледную луну и сжимая в ладонях свою толстую косу.

«Да куда бежать-то? К цыганам? Они лошадей крадут, по сёлам ходят да детишек с собой уводят... Ой, нет, только не к цыганам!»

Луна мерцает и расплывается, а по Надиным щекам тяжёлыми каплями катятся слёзы.

«В лес? Там медведи, звери лютые... Задерут! – Надя всхлипывает и тут же зажимает рот ладошкой. – Да хоть и так, пусть, пусть задерут!»

«Тянька-то горевать станет... Да нёшь пуще по мёртвой, чем по несватанной? Ах, ну что же за доля моя горькая, оди-

нокая, безнадёжная...»

Надя закрывает глаза и ложится на пол поверх пёстрого половичка, который давным-давно соткала для неё покойная нянюшка.

Лунный свет переливается через оконную раму, струится по стене, стекает на пол и собирается вокруг Нади в небольшое озеро. Свет в озере колыхается, ласкает тонкие и стройные Надины руки, гладит нежное девичье лицо, и слёзы на щеках потихоньку высыхают.

«Убегу, – думает Надя с каким-то необычайным спокойствием. – Вот уедет тятя на ярмарку, и тут же убегу в лес.»

Надя открывает глаза и садится, всколыхнув озеро света, – сердце забилось в груди, точно пойманная птица, – того и гляди выскочит!

А луна всё глядит на Надю через окошко, мерцает щербатым своим ликом и... улыбается?

«Али вот что: поеду-ка с отцом вместе! Прикачу из амбара пустую бочку, втащу на телегу, да и залезу внутрь. Отъедем подальше, а там уж, авось, придумаю, что делать».

***

Ранним утром, ещё до первых петухов, полная товаров телега, запряжённая тройкой гнедых, выезжает на столбовую дорогу. Купец на козлах зевает, треплет по шее верного сторожевого пса. И не знает, что в старой бочке, пропахшей соленьями, увозит из родимого дома свою единственную дочь.

Путь до ярмарки неблизкий. Купец правит целый день, и только на ночь останавливает телегу посреди степи.

Услышав храп отца, Надя толкает крышку, потихоньку вылезает наружу и спрыгивает с телеги. Тут же у её ног появляется огромный мохнатый пёс.

– Полкан, я это, – шепчет Надя и протягивает псу руку. Успокоив собаку, растирает затёкшие ноги и оглядывается.

Отец крепко спит на соломенном тюфяке возле заднего колеса, подложив под голову мешок с зерном. Чуть поодаль, в неглубокой ямке, ещё теплится разведённый им костерок.

Даже во сне тятя хмурит густые, широкие брови, но Надя знает: он лишь с виду такой грозный, а в душе – добрый, заботливый. Ей хочется обнять отца, уткнуться лицом в его могучую грудь и заплакать. Ведь он никогда не даст её в обиду, никогда не отпустит одну в неизведанный, пугающий мир...

Надя понимает, что если не уйдёт прямо сейчас, сию же минуту, то уже не сможет найти в себе силы покинуть родителей.

– И что я буду за дочь такая, если не спасу тебя от позора? – шепчет она и, для пущей уверенности крепко схватив себя за косу, уходит прочь.

* * *

Ночная степь огромна и безбрежна, как океан из нянюшнинских сказок. Высокие травы шепчутся между собою, кача-

ясь от слабого ветерка. И как только не сторели они в этот страшный зной?

Уйдя так далеко, что отцовой телеги уж не видать, Надя ложится в траву. Примятые стебли мягко толкают в спину. Кисточки мятлика щекочут шею и щёки. За день нагретая солнцем, степь дурманяще пахнет глиной, полынью, шалфеем и донником.

Небо усыпано мерцающими алмазами звёзд, а луна – теперь уж совсем полная, – сияет ярче начищенного медяка.

Тёплая, что парное молоко, ночь обнимает Надю за плечи, убаюкивает...

* * *

– Глянь-ка, девка!

– Девка и есть!

– И откель здесь девке взяться?

Голоса раздаются у самого уха. Надя просыпается и открывает глаза.

Ночь стоит ещё глубокая, но звёзды с неба исчезли. А огромная луна зависла в пустоте прямо над Надей и обливает её желтоватым светом.

– Кто здесь? – шепчет Надюша, вцепившись в свою косу, как в талисман.

В звенящей тишине раздаются смешки, то приближаясь, то отдаляясь. Надя чувствует, как кто-то ходит вокруг, разглядывает её, касается то макушки, то плеча. Но никого не

видно.

– Сарахфант бы с неё снять, – снова шепчет кто-то невидимый.

Надя дрожит и, не в силах даже вскрикнуть, обнимает себя за плечи: таков, значит, будет её конец.

– Зачем тебе сарахфант с девки? – удивляется второй.

– Уж больно искусно вышит поясок-то, да рукавчики, – причмокнув, растолковывает первый.

– Сымай немедля! – гремит над самым Надиным ухом, и лицо обдаёт горячим, смрадным дыханием. – Кто вздумал в степи ночевать, тот должен и заплатить!

Тут же что-то подхватывает Надю с земли, и под дружный хохот невидимые существа быстро и ловко сдёргивают с неё сарафан.

Прикрывая наготу, Надя сворачивается клубком в траве. От стыда и обиды по щекам катятся горячие слёзы.

Горько жалеет Надя о своей скорой, такой ранней и бесславной гибели, жалеет о волшебном своём шитье, подарившем ей многие дни радости. Но горше всего Надюше от того, что не нашла в себе смелости попрощаться с отцом.

Хохот вдруг затихает, и воцаряется такая тишина, что Надя думает: вот и настал час отправиться ей в Навь, к старой-доброй своей нянюшке...

– Ты глянь на бедро-то ейное... – раздаётся вдруг звонкий шёпот.

– Степь честная! – вскрикивает другой, тот, которому так

приглянулась вышивка на Надином сарафане.

– А ну верни ей платье, быстро, – шипит третий и уже ласково добавляет прямо Наде на ухо: – Прощения просимо, Мастерница! Обознались!

– Мастерница, Мастерница, Мастерница... – несётся отовсюду, словно степные травы ожили и разом решили заговорить.

Сарафан бережно кладут на примятую траву возле Нади. Она спешно одевается и тут замечает, как в лунном луче, у самых её ног, закручивается маленький вихрик. Он быстро растёт ввысь, превращаясь в винтовую лесенку, будто чья-то невидимая рука ловко прядёт её из света.

Ступеньки и перила сверкают золотом и уходят высоко в небо, до самой луны.

– Вставай, Мастерница, – шепчет всё вокруг. – Пора, пора, пора!

Надя поднимается с земли, подходит к лесенке, едва касается кончиками пальцев тонких перил, и те легонько звенят.

«Зовут. Меня зовут», – понимает Надя и делает первый шаг...

* * *

В раздольных степных краях, где ветер нежно гладит высокие травы и шепчет путникам слова на непонятном языке, живут духи разные: злые и добрые, умные да глупые, жадные да щедрые. Но всем им известно, что раз в сотню лет среди людей рождается девушка, отмеченная особым знаком. То

богиня луны, Дивия, призывает к себе новую мастерицу-кудесницу, дабы та помогала ей сотворять чудеса для подлунного мира.

А люди-то страсть как боятся этого знака, и видят в нём всякое: сатанинское копыто, несчастливое число, абрис дьявола, чёртову метку. Всё это, конечно, глупости. Но что с людей возьмёшь? Они порой не замечают волшебства и под самым своим носом.